

Ванюшина Н. А.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭВФЕМИЗМОВ ПРИ ОБОЗНАЧЕНИИ ПРЕКЛОННОГО ВОЗРАСТА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/8-1/8.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 8 (27): в 2-х ч. Ч. I. С. 24-27. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ческой организации производных полисемантов внутри типа. Таким образом, каждый СТ обладает собственной полисемией, даже при наличии у ряда типов общей мотивирующей базы.

Многозначные дериваты образуются в пределах фрейма производящего слова. На языковом уровне количество лексико-семантических вариантов (ЛСВ) определяется набором валентностей, реализующих пропозиции.

Таким образом, полисемия производного слова репрезентирует фреймовую организацию семантики, реализующую ту или иную концептосферу. Выбор деривационных маркирующих категорий носит системный характер и определяется уровнем развития словообразовательной системы языка.

Лексика фиксирует наиболее важные компоненты картины мира. Система концептов, выявляемых в процессе исследования лексики, воссоздает некоторые особенности языкового мышления, проявляющиеся в его деятельности по категоризации действительности для создания номинативных единиц.

Список использованной литературы

1. **Араева Л. А.** Множественная деривация и некоторые вопросы системных отношений в словообразовании и лексике // Словообразование в современном русском языке: тез. докл. и сообщ. Областной научн. конференции «Проблемы деривации и номинации в русском языке». Омск, 1988. С. 11-13.
2. **Блинова О. И.** Явление мотивированности слова в собственно лексикологическом аспекте // Вопросы сибирской диалектологии. Омск, 1976. Вып. 2. С. 3-17.
3. **Булгакова О. А.** Полисемия производных субстантивов (на материале кемер. говоров): дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1994.
4. **Виноградов В. В.** Об омонимии и смежных явлениях // Вопр. языкознания. М., 1960. № 5. С. 3-17.
5. **Гальперин И. Р.** Относительно употребления терминов «значение», «смысл», «содержание» в лингвистических работах // Филол. науки. 1982. № 5.
6. **Кацнельсон С. Д.** Содержание слова, значение и обозначение. М.-Л., 1965.
7. **Лакофф Дж.** Когнитивное моделирование // Язык и интеллект. М., 1995.
8. **Лакофф Дж.** Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. М., 1988. Вып. XXIII.
9. **Лакофф Дж.** О порождающей семантике // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1981. Вып. X. С. 302-349.
10. **Лангаккер Р. У.** Когнитивная грамматика. М., 1992.
11. **Лещева М. М.** Лексическая полисемия в когнитивном аспекте. М.: МГЛУ, 1996.
12. **Нефедова Е. А.** Полисемия мотивированного слова в аспекте лексической номинации // Общие проблемы деривации и номинации. Словообразование в аспекте взаимодействия разных уровней языка: тезисы докладов. Омск, 1988.
13. **Никитин М. В.** Лексическое значение в слове и словосочетании. Владимир: ВГПИ, 1974.
14. **Пражский лингвистический кружок:** сб. ст. М., 1967.
15. **Русская грамматика.** М., 1980. Т. 1.
16. **Соболева П. А.** Словообразовательная полисемия и омонимия. М.: Наука, 1980.
17. **Тихонов А. Н.** Словообразовательные омонимы в русском языке // Рус. яз. в шк. М., 1971. № 1. С. 88-93.
18. **Харитончик З. А.** Семантика суффиксального производного слова (на материале прилагательных совр. англ. языка): дис. ... канд. филол. наук. М., 1971.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭВФЕМИЗМОВ ПРИ ОБОЗНАЧЕНИИ ПРЕКЛОННОГО ВОЗРАСТА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Ванюшина Н. А.

Волгоградский государственный педагогический университет

Проблема старости всегда была актуальна в мировоззрении людей разных эпох и национальностей, так как старость это - то неизбежное состояние человеческого организма, как с физической, так и с психологической точек зрения, к которому приходит каждый из нас. Ставя перед собой цель, в рамках данной статьи, изучить вербальные средства объективации старости, старых людей, а также всех тех реалий, которые организуют их жизнь и быт на данном периоде жизни, мы считаем релевантным, рассмотреть общественное отношение к старости в процессе онтогенеза человеческого социума.

В процессе изучения мы обнаружили ряд исследований, посвященных данной проблеме, начиная с философского трактата Цицерона «О старости. О дружбе. Об обязанностях» и, имея, на сегодняшний день, разнообразные работы, посвященные рассмотрению социокультурной динамики отношения к старости [Смолькин, 2004], социальной психологии старения [Краснова, Лидерс, 2002], различным патологическим изменениям, происходящим в данном возрасте с точки зрения клинической психологии [Перре, Бауманн, 2007], а также выявлению специфических черт отношения к старости именно у русского народа [Никитина, 2002].

Известно, что мечта о продлении человеческой жизни, о бессмертии, поиск эликсира вечной молодости - все это сопутствует жизни человека, начиная с момента осознания ее быстротечности и, как следствие, огромной ценности. Что касается отношения к старению, то, как отмечает А. А. Смолькин, оно «представляет собой социокультурный конструкт, подверженный изменениям» [Смолькин, 2004, с. 6]. Следовательно, отношение к старости обусловлено социокультурным контекстом отдельно взятого этноса в конкретный период его исторического развития. Так, М. В. Аристова указывает на факты «убийства стариков как беспо-

лезных существ в доцивилизированных сообществах» [Аристова, 2008, с. 15]. Однако, стоит отметить, что оформление патриархальных отношений приводило к сакрализации образа старика, проявившееся в формировании геронтократического института, представленного как совет старейшин того или иного древнего сообщества. Именно совет, состоящий из старших мужчин и являющий собой воплощение знаний и традиций человеческого коллектива, а также наделенный некой мистической силой, имел большую власть, чем вождь племени. Это объяснялось тем, что старшие, подчас лишённые былой физической силы, обладают мудростью и опытом, что является решающим в управлении. Как отмечал Цицерон, «не силой мышц, не проворностью и не ловкостью тела вершатся великие дела, а мудростью, авторитетом, решениями, и старость обыкновенно не только не лишается этой способности, но даже укрепляется в ней» [Цицерон, 1993, с. 11]. Главное, по мнению древнего философа, характер человека, то, что он сумел достичь в этой жизни, чему научился - «у стариков сдержанных, уживчивых и добрых старость проходит терпимо, а заносчивый и неуживчивый нрав тягостен во всяком возрасте» [Там же, с. 9]. «Тем людям, у которых у самих нет ничего, что позволяло бы им жить хорошо и счастливо, тяжёлой любой возраст; но тем, кто ищет всех благ в самом себе, не может показаться злом ничто основанное на неизбежном законе природы, а в этом отношении на первом месте стоит старость» [Там же, с. 8].

Что касается религиозного осмысления данного феномена, то следует отметить, что в восточных философско-этических системах старики и старость всегда заслуживали почитание и уважение. Так, О. В. Красных и А. Г. Лидерс указывают на то, что подобное отношение на востоке имело глубокие социальные корни, объясняя это тем, что «устойчивость социально-политического устройства общества ассоциировалось с прочностью и устойчивостью организма человека и обретения им мудрости в старости» [Краснова, Лидерс, 2003, с. 44]. В христианской религии отмечается наличие понятий «старчество» и «старец», которые служат не столько для обозначения биологического возраста, сколько представляют собой «высшую степень духовного совершенства на пути к бессмертию» [Там же, 2002, с. 70]. Таким образом, на основе интуитивного, подсознательного неприятия биологического старения организма и вместе с тем потерей физических возможностей и былого совершенства тела, появляется новая характеристика, наделяющая старость мудростью, спокойствием и даже святостью. Сто касается возможного долголетия или бессмертия, то эти, столь желанные для кого-то явления, рассматриваются в христианстве двояко. С одной стороны, это - дар Божий за праведную жизнь (вспомним Ноя, который жил 500 лет до потопа и потом еще 300 лет), с другой стороны, это - кара, когда грешный человек не может найти себе упокоения и молит Создателя о смерти. Только «истинно верующие в Бога уходят из жизни спокойно и достойно» [Там же, с. 70]. Мы считаем, однако, что рассмотренные нами выше факты могут свидетельствовать как о действительно положительном восприятии старости, так и о геронтофобии, стремящейся найти нечто хорошее, «облагородить» старость и нивелировать все те негативные изменения, причиной которых она является.

Как отмечает М. В. Аристова, в настоящий момент в обществе преобладает культ молодости и здоровья. Именно этим объясняется стремление людей скрыть свой истинный возраст, прежде всего, его внешние проявления, и, как следствие стремительное развитие пластической хирургии. Автор, не ставя цель, рассмотрение лингвистических проблем номинации, подчеркивает наличие «различных «смягчающих» терминов типа «пожилые люди», «третий возраст» [Аристова, 2008, с. 15]. Выявление подобных «смягчающих терминов» и является задачей нашего исследования.

Рассмотрев в рамках работы над этой темой ряд эвфемистических наименований, мы пришли к выводу, что наиболее часто для указания на преклонный возраст описываемого персонажа, авторы используют выражения, подчеркивающие внешние проявления старости, прежде всего, это - седые волосы. «Kim ist ... ein Mann mit grauen Haaren, silbernem Kinnbärtchen» (Spiegel 47/05) - как мы видим, журналист, не указывая возраст героя и не называя его старым, дает представление о возрасте посредством описания внешних признаков - graue Haare, silbernes Kinnbärtchen. Однако, даже в рамках этой группы мы выделили несколько типов вербализации исследуемого признака:

1. При характеристике журналисты используют прилагательное «grauhaarig» - «der grauhaarige Ingenieur» (Spiegel 39/04); «ein freundlicher grauhaariger Herr» (Spiegel 30/04); «der grauhaarige Mann» (Spiegel 31/05); «So wird die CDU Herne grau ...» (Spiegel 28/08). Данные примеры дают представление читателю о возрасте героев, не называя их при этом старыми, а лишь употребляя краткие эпитеты при описании внешности. Вместе с тем, употребление во втором примере прилагательного «freundlich» дает нам представление о жизнерадостном, приветливом господине, полностью исключая все те негативные признаки, свойственные старшему возрасту.

2. Авторы описывают внешность героев с помощью прилагательного «silberhaarig» - «sein silberhaarer Außenminister» (Spiegel 46/06); «er fährt sich mit der rechten Hand durch das silbergraue Haar» (Spiegel 37/04); «silbergraues Haar» (Spiegel 3/05). Таким образом, данные примеры, помимо компонента «grau» вносят новый «silber», что делает описание более метафоричным, а сравнение волос персонажей с драгоценным металлом, на наш взгляд, придает им более благородный облик.

3. Следующую группу эвфемистических наименований образуют словосочетания с прилагательным «weiß» - «weißhaarig» (Spiegel 30/05); «ein freundlicher Herr mit weißem Haar» (Spiegel 19/05); «Alle stehen auf, während es sich der weißhaarige Mann mit den milden Gesichtszügen umständlich hinter der Bank bequem macht» (Spiegel 3/05).

Позволим себе предположить, что трансформация «grauhaarig → silbergraues Haar → weißes Haar» свиде-

тельствует о некой градации возраста путем описания цвета волос. Однако, никаких эмпирических доказательств этому нам обнаружить не удалось, возможно, автор использует тот или иной эпитет повинуюсь своему внутреннему чувству. Следующий пример - «Elfride B., mit Haaren wie Schnee, dabei tatkräftig ... doch sie spürte das Alter» (Spiegel 25/08); являет собой метафорическое сравнение цвета волос с белизной снега. Примечательно также выражение «doch sie spürte das Alter». Равносильным является также «Das Alter», sagte sie wenn ihr Worte oder Taten fehlen» (Spiegel 26/08). Стоит отметить, что существительное «Alter» имеет значения «возраст» и «старость», кроме того, прилагательное «alt» переводится как «старый». Следовательно, при толковании данных иллюстраций можно подходить двояко, используя при переводе выражения «она уже чувствовала свой возраст» или «она уже чувствовала старость». Данная полисемантическая лексема не дает нам права однозначно утверждать о наличии эвфемии в рассматриваемых примерах, в русском языке употребление слов «старость» и «возраст», которые даже не являются однокоренными, снимает эту трудность. В процессе исследования мы обнаружили ряд примеров со словом «Alter», являющиеся все же, на наш взгляд, эвфемизмами - «im besten Alter sein» (Spiegel 31/05); «im fortgeschrittenen Alter» (Spiegel 49/05). Первое выражение «im besten Alter» соотносится с понятием старости Цицерона, когда на смену горячности и неопытности молодости приходят мудрость и спокойствие «... величайшие государства рушились по вине людей молодых и охранялись и восстанавливались усилиями стариков. Опрометчивость, очевидно, свойственна цветущему возрасту, дальновидность - пожилому» [Цицерон, 1993, с. 12]. Как уже отмечалось ранее, старость, исключая тот стремительный темп жизни, свойственный молодости, дает больше времени для размышлений, возможность увидеть и осмыслить не только повседневные, минутные явления, но нечто большее, составляющее суть жизни. Иллюстрацией последних строк является также следующий пример: «Mit zunehmenden Alter mache ich mir über die Moral mehr Gedanken und interessiere mich starker für Geschichte, ...» (Spiegel 12/05). Одним из значений глагола «zunehmen», от которого образовалось определение «zunehmend», является - «увеличиваться, усиливаться, возрастать, прибавляться», следовательно, говорится, что с возрастом свойственно больше задумываться о морали и больше интересоваться историей. Выражение «bis ins hohe Alter» (Spiegel 24/08); «Hochaltrige» (Spiegel 19/05); «Im hohen Alter können und wollen nur noch wenige Eigentum erwerben» (Spiegel 30/04), на наш взгляд, также не могут быть однозначно отнесены к эвфемизмам, так как в русском языке есть словосочетание «до глубокой старости», которое при определенных обстоятельствах может быть соотнесено с «bis ins hohe Alter». Доказать необоснованность такого рассмотрения на данном этапе мы не можем. В процессе работы мы встретили лексему «Lebensabend» - «nun will er endlich am Lebensabend eigenen Interessen folgen» (Spiegel 27/04). Как мы видим, автор не употребляет ни «старость», ни «конец жизни», проводя лишь тонкую параллель между течением суток и продолжительностью жизни и называя этот период вечером, для которого, как известно, также характерны неспешность и подведение итогов дня. Следующая иллюстрация «Die Wirtin, längst schon Oma, kann sich nicht von ihren Gästen trennen und die sich nicht von ihr» (Spiegel 30/04) представляет читателю образ уже давно немолодой (längst schon Oma) хозяйки трактира, которая еще может принимать гостей и пользуется их расположением. Данный пример, скрывая истинный возраст главной героини, подчеркивает ее активную жизнь, а также тот факт, что люди нуждаются в ней и ее обществе.

Рассмотрев возможные варианты эвфемистического описания преклонного возраста, мы хотели бы остановиться на возможных номинациях людей. Нами были обнаружены следующие единицы - «Senioren» (Spiegel 9/05); «die Senioren-generation» (Spiegel 31/05); и «die graue Generation» (Spiegel 31/05). Слово «Senior» имеет значение «старейшина», «старшина», что соотносит его со значением «старейшина» как мудрец, советник вождя или правителя в ранние периоды существования человеческого сообщества. Мы считаем, что функционирование в речи выделенных нами эвфемистических наименований столь неприятного явления как старость свидетельствует о стремлении коммуникантов создать благоприятную ситуацию общения, избежать возможных оскорблений и, в конечном итоге, об уважительном отношении членов общества к людям преклонного возраста.

Список использованной литературы

1. **Аристова М. В.** Старость - лучшая пора для самоидентификации // Третий возраст: старшее поколение в современной информационной среде: материалы Всерос. междисциплинар. науч. конф. Москва, 30 января 2008 г. М.: Изд-во СГУ, 2008.
2. **Клиническая психология** / под ред. М. Перре, У. Бауманна. СПб.: Питер, 2007. 1312 с.
3. **Краснова О. В., Лидерс А. Г.** Социальная психология старения: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2002. 288 с.
4. **Никитина А. В.** Русская традиционная культура: учеб. пособие для иностранцев. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. 340 с.
5. **Психология старости и старения:** хрестоматия: учеб. пособие для студ. психол. фак. высш. учеб. заведений / сост. О. В. Краснова, А. Г. Лидерс. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 416 с.
6. **Смолюкин А. А.** Социокультурная динамика отношения к старости: автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. социолог. наук. Саратов, 2004. 20 с.
7. **Цицерон.** О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1993. 248 с.

Список источников примеров

1. Spiegel. 2004. № 27, 30, 37, 39.
2. Там же. 2005. № 3, 9, 12, 19, 30, 31, 47, 49.
3. Там же. 2006. № 46.
4. Там же. 2008. № 25, 26, 28.

ДИСКУРС ТЕРРОРИЗМА В СИСТЕМЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ДИСКУРСОВ

Вострикова И. Ю.

Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов

Понимание дискурса как языкового выражения отдельной сферы деятельности и определенной идеологически обусловленной системы использования языка [Чернявская, 2006] выступает востребованным и все более актуальным объектом исследования многих отечественных и зарубежных лингвистов (Водак Р., Гончарова Е. А., Карасик В. И., Лакофф Дж., Романов А. А., Фэрклау Н., Черепанова И. Ю., Чернявская В. Е. и др.). Прагматический подход, трактующий коммуникативное событие как интегративную совокупность отдельных коммуникативных актов, позволяет также рассматривать дискурс как совокупность тематически соотнесенных текстов. Таким образом, дискурс охватывает многие тексты с общими содержательными характеристиками, или типы текста данного дискурса (политического, экономического, медицинского и т.д.). Некоторые научные труды указывают на возникновение отдельных ветвей лингвистики, основанных на широком тематическом принципе, признавая рождение политической лингвистики (или политической филологии), юридической лингвистики и т.п. В частности, вопросы политической лингвистики разрабатывались Демьянковым В. З., Паршиным П. Б., Чудиновым А. П., Шейгалом Е. И., Вольфсоном И. В. Среди зарубежных исследований политического дискурса следует отметить работы П. Чилтона, Н. Фэрклау, Дж. Лакоффа, Л. Чулиараки, Т. Б. Дирберга.

В. Б. Кашкин справедливо отмечает: «Выйдя за пределы собственно научного языкознания и оказавших практически в руках «широкой публики», в том числе и журналистов, термин *дискурс* стал использоваться по отношению к самым разнообразным сферам человеческой деятельности (*дискурс СМИ и шизофренический дискурс, постмодернистский и политический дискурс* и т.д. и т.п.)» [Кашкин, 2005, с. 337].

Таким образом, в современной лингвистике остро встает вопрос о границах дискурса, а также о внутренней делимости дискурсов на более специальные, узко тематические под-дискурсы. Является ли тематический параметр ведущим в определении какого-либо дискурса, либо же тематический корпус текстов должен одновременно соответствовать некоему количественному показателю, легитимизирующему его дискурсивный статус? Существуют ли дополнительные критерии дискурсоразличения и разработана ли определенная классификация дискурсов?

Обзор отечественных и зарубежных научных исследований, посвященных типам дискурса, скорее свидетельствует об интуитивном выделении и назывании авторами различных дискурсов. Это проявляется, например, в отсутствии терминологически закрепленного имени за конкретным дискурсом (встречаются такие дуплеты как дискурс СМИ и политический медиа-дискурс, дискурс политической рекламы и дискурс пропаганды и др.).

Так, обширный текстовый материал общеполитической тематики изучался в следующих дискурсивных аспектах:

- дискурс пропаганды и политической рекламы (Вайс Д., Вольвак Н. П., Бокмельдер Д. А.);
- дискурс политической оппозиции и партийный дискурс (Дука А. В., Шейгал Е. И., Малинова О. Ю., Кашкин В. Б., Логинова И. Ю.);
- президентский дискурс (Спиридовский О. В., Нахимова Е. А., Вепрева И. Т., Шейгал Е. И.);
- политический газетный дискурс (Алещанова И. В., Грушевская Т. М., Иванова С. В.);
- дискурс выборов кампаний (Benoit W., Филинский А. А., Каслова А. А.);
- дискурс холодной войны (П. Чилтон, М. Дж. Медхест);
- дискурс глобализации (Н. Фэрклау).

Формата статьи явно не достаточно для решения такой серьезной задачи как разработка параметров разграничения и классификации дискурсов. На данном этапе мы ограничимся предложением трех показателей для обоснования легитимности выделения дискурса:

- сильной узкотематической составляющей, объединяющей тексты;
- количественным параметром, т.е. значительным корпусом текстов в данной области;
- наличием нескольких текстотипов (встречается также термин «жанр»), представляющих данный дискурс.

Здесь же мы будем называть специальными те узкотематические дискурсы, которые могут быть определены в рамках более широких, глобальных дискурсов (как президентский дискурс в общеполитическом дискурсе, судебный дискурс в юридическом дискурсе и т.д.).

В данной статье предлагается анализ дискурса терроризма, активно развивающегося в свете мировых политических событий последнего десятилетия, особенно в США. Этот специальный дискурс уже становился